

Событийно-структурная морфология в ненецком языке *

С.Г. Татевосов

МГУ имени М.В. Ломоносова, МПГУ

В статье предлагается несколько обобщений о семантической интерпретации основ ненецкого глагола, различающихся типов вокалического ауслота, и обосновывается анализ, согласно которому конечный гласный представляет собой морфему, выступающую морфологической этикеткой событийной структуры.

The paper explores semantic characteristics of verbal stems in Tundra Nenets that can take different stem-final vowels. I argue that the distribution of these vowels and interpretational effects they induce are best accounted for under an analysis that treats them as phonological signatures of different event structural configurations.

Ключевые слова: событийная структура, состояние, деятельность, свершение, ненецкий язык

Keywords: event structure, states, activities, accomplishments, Tundra Nenets

1. Вокалические ауслоты

Цель этой статьи — изложить несколько неформальных обобщений о классе морфологических элементов в ненецком языке, которые выступают поверхностными этикетками определенных событийно-структурных конфигураций.

В общих чертах явление состоит в следующем. Ненецкие вокалические глагольные основы представлены несколькими типами, различающимися гласным ауслота — *a*, *e*, *ø* или *(y)ø*. Т. Салминен приводит следующие иллюстрации этих возможностей:

(1) Основные ауслотные типы основ (Salminen 1998: 34-35) ¹

* Статья опирается на данные по малоземельскому говору тундрового диалекта ненецкого языка в варианте, представленном в п. Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ), которые были собраны в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2003-2005 годах. В экспедициях в разные годы участвовали Лев Блюменфельд, Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Дарья Кавицкая, Екатерина Лютикова, Ирина Николаева, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Наблюдения и обобщения, изложенные здесь, стали возможны благодаря совместным усилиям всех участников экспедиции. Автор выражает искреннюю и бесконечно глубокую благодарность информантам-переводчикам А.Г. Апицной, Е.Н. Ардеевой, М.И. Каноковой, В.П. Марюевой, К.П. Талеевой, Е.Н. Тайбарей и М.К. Тайбарю, общение с которыми навсегда останется источником надежды и оптимизма. Исследование поддержано грантом РФФИ №16-18-02081.

¹ Здесь и далее мы придерживаемся следующих принципов представления материала. Отдельные ненецкие слова и морфемы приводятся в словарной форме по [Терещенко 1965] и/или в записи Т. Салминена, заключенной в фигурные скобки, например, *мадър(ць)* {madər}. При необходимости дополнительно приводится фонетическая запись в квадратных скобках, которая опирается на описание фонетики исследуемого говора, предложенное в [Staroverov, Kavitskaya 2010]. Примеры предложений состоят из четырех строк: фонетической записи, фонематической записи, которая следует принципам и

- a. *хърва(сь)* {xɔrwa} ‘хотеть’, *хада(сь)* {xada} ‘убивать’
 b. *хәдкэ(сь)* {xɔd°ke} ‘случаться’, *хане(сь)* {xanuɛ} ‘охотиться’, *иле(сь)* {yilue} ‘жить’
 c. *ненә(сь)* {nyenø} ‘сердиться’, *ядембә(сь)* yaduɛmpø ‘быть горячим’, *сэръя(сь)* serjʊø ‘иметь привкус соли, быть солоноватым’
 d. *хонё(сь)* {xonuo} ‘спать’, *ләбцё(сь)* ‘быть слипшимся’

С точки зрения морфологического поведения основы распадаются на два больших класса — **альтернирующие** и **неальтернирующие**. Основы на *a* и *e* всегда неальтернирующие, основы на *(y)o* всегда альтернирующие, для основ на \emptyset доступны обе возможности.

Основные морфологические различия между альтернирующими и неальтернирующими основами проявляются в образовании так называемых **общей финитной** и **специальной финитной основ**. Общая и специальная финитная основы дополнительно распределены по группам словоизменительных форм, составляющих глагольную парадигму. Согласно описанию Т. Салминена, от общей финитной основы, среди прочего, образуется форма аориста субъектного спряжения, а от специальной финитной — аориста возвратного спряжения. Непосредственно от исходной основы образуется форма так называемого коннегатива, которая используется, в частности, при построении отрицательных финитных форм. Последние состоят из отрицательного вспомогательного глагола, принимающего лично-числовое согласование, и коннегатива лексического глагола.

В Таблице 1 показаны основы с разным типом ауслата и три диагностические формы от каждой — аорист третьего лица единственного числа субъектного спряжения (показатель \emptyset), аналогичный аорист возвратного спряжения (показатель *-q*) и коннегатив (показатель *-q*). Здесь и далее для различения альтернирующих и неальтернирующих основ на \emptyset используются символы \emptyset^i («альтернирующий \emptyset ») и \emptyset^A («неальтернирующий \emptyset »).

Таблица 1. Примеры глаголов с различным типом ауслата

Основа	Тип	аорист 3SGs	аорист 3SGr	Conneg
<i>xona</i> ‘идти спать’	<i>a</i>	<i>xona</i> - \emptyset [xona]	<i>xone</i> -y \emptyset - <i>q</i> [xonejʔ]	<i>xona</i> - <i>q</i> [xonaʔ]
<i>yilue</i> ‘жить’	<i>e</i>	<i>yilue</i> - \emptyset [jilʲe]	<i>yilue</i> -y \emptyset - <i>q</i> [jilʲejʔ]	<i>yilue</i> - <i>q</i> [jilʲeʔ]
<i>yadø</i> ‘идти, ходить’	\emptyset^A	<i>yadø</i> - \emptyset [yadʌ]	<i>yadi</i> - \emptyset - <i>q</i> [jadiʔ]	<i>yad</i> \emptyset - <i>q</i> [jadʔ]
<i>nyenø</i> ‘сердиться’	\emptyset^i	<i>nyeni</i> - \emptyset [nʲeni]	<i>nyeni</i> - <i>q</i> [nʲeniʔ]	<i>nyenu</i> - <i>q</i> [nʲenuʔ]
<i>xonuo</i> ‘спать’	<i>o</i>	<i>xoni</i> - \emptyset [xoni]	<i>xoni</i> - <i>q</i> [xoniʔ]	<i>xonu</i> - <i>q</i> [xonʲuʔ]

Из этой таблицы видно основное различие неальтернирующих и альтернирующих основ. У первых (*a*, *e*, \emptyset^A) общая финитную основу не совпадает со специальной финитной. У последних (\emptyset^i и *(y)o*) они идентичны.

Основы на неальтернирующий гласный используют для образования общей финитной основы показатель *-ø* (редуцирующийся до \emptyset), ср. формы аориста 3SGs *xona*- \emptyset - \emptyset , *yilue*- \emptyset - \emptyset и *yadø*- \emptyset - \emptyset из Таблицы 1². Специальная финитная основа, наблюдаемая в форме аориста 3SGr, от основ на *a* и *e* образуется с помощью суффикса

описательным решениям Т. Салминена [Salminen 1997, 1998], подстрочной поморфемной глоссы, русского перевода.

² Еще один способ образования общей финитной основы характерен для основ на согласный, не представленных в Таблице 1; они присоединяют показатель *-ŋa* {nga}.

-y^o (с редукцией до -y^o)³, от основ на неальтернирующий - \emptyset — «заменой конечного гласного на *i*- \emptyset » (\emptyset вновь редуцируется до \emptyset). Это дает соответственно *xone-y^o-q*, *yilye-y^o-q* и *yadi-^o-q*.

Альтернирующие основы производят «замену гласного на *i*», и этот вариант используется и в качестве общей и в качестве специальной финитной основы [Salminen 1998: 532], ср. формы субъектного и возвратного спряжения *nyeni- \emptyset* и *nyeni-q*, а также *xoni- \emptyset* и *xoni-q*.

Основной факт, на который опирается наш дальнейший сюжет, состоит в том, что значительное количество основ допускается более чем с одним типом ауслаута. Несколько характерных пар из [Терещенко 1965], где одна из основ представлена нельтернирующим вариантом, а вторая альтернирующим, приводятся в (2)-(3):

(2) **Основы на \emptyset^i vs. основы на *a***

a.	<i>сыритӓ(сь)</i>	{siryit \emptyset }	‘быть заснеженным, быть покрытым снегом’
	<i>сырита(сь)</i>	{siryita}	‘наполнить, набить что-либо снегом’
b.	<i>сяклӓ(сь)</i>	{syak ^o l \emptyset }	‘быть прикушенным, зажатым, прищемленным’
	<i>сякла(сь)</i>	{syak ^o la}	‘впитаться чем-л. во что-л.’
c.	<i>сындӓ(сь)</i>	{sint \emptyset }	‘заниматься тем, что доставать продукты из продуктовой нарты’ = ‘использовать запас’
	<i>сында(сь)</i>	{sinta}	‘отложить про запас’

(3) **Основы на (y) \emptyset vs. основы на *a***

a.	<i>хонӓ(сь)</i>	{xonu \emptyset }	‘спать’
	<i>хона(сь)</i>	{xona}	‘идти спать, ложиться спать’
b.	<i>патдӓ(сь)</i>	{pat ^o dy \emptyset }	‘быть в чехле (о ружье)’
	<i>патда(сь)</i>	{pat ^o da}	‘положить ружье в чехол, зачехлить’

В словаре обнаруживаются не только пары, но и тройки глаголов — с неальтернирующим гласным и двумя альтернирующими:

- (4) a. *ваңглӓ(сь)* {wangk^ol \emptyset } 1) быть в берлоге (о медведе); 2) быть в снежной ямке (о куропатке);
 b. *ваңгла(сь)* {wangk^ola} 1) залечь в берлогу (о медведе); 2) зарыться в снежную ямку (о куропатке).
 c. *ваңглӓ(сь)* {wangk^oly \emptyset } 1) лежать в берлоге (о медведе); 2) находиться в снежной ямке (о куропатке) [Терещенко 1965: 43].

Противопоставление нескольких «ауслаутных вариантов» систематически представлено не только у непроизводных глаголов, но и у продуктивных дериватов, таких, в частности, как каузатив или инхоатив (см. Татевосов 2018).

Т. Салминен [Salminen 1997, 1998], а вслед за ним и другие исследователи, например, И. А. Николаева [Nikolaeva 2014], описывают варианты основ в терминах «альтернаций». Однако, как видно из (2)-(4), соответствующие формы проявляют

³ Кроме того, у основ на *-a* наблюдается дополнительное чередование — переход *-a* в *-e*, как у *xone-y^o-q*.

систематические семантические различия и, очевидно, должны анализироваться как морфемы. Единственная известная нам работа, где эти различия охарактеризованы сколько-нибудь подробно, — уже статья А.Ю. Урманчиевой [Урманчиева 2013: 755 *et seq.*] об образовании аориста в самодийских языках; некоторые наблюдения представлены также в [Гусев 2010].

Таким образом, перед нами возникает ясная эмпирическая задача: построить более полную сумму обобщений о семантической интерпретации, привязанной к разным типам ауслаутов. В следующем разделе мы обсудим имеющиеся в этой области наработки, опираясь в основном на наблюдения и обобщения А.Ю. Урманчиевой.

2. Альтернирующие основы и стативность

А. Ю. Урманчиева предполагает, что альтернирующие глаголы на $-\emptyset^i$ и $-(y)o$ образуют естественный семантический класс: все они представляют собой стативы. Она выделяет несколько частных их разновидностей, перечисленных в (5).

- (5)
- a. Производные стативы, характеризующие инактивный субъект (в частности – но не обязательно – стативы, производные от переходных глаголов, объект которых становится субъектом производного статива): *ngamdø-* ‘сесть’ > *ngamdyo-* ‘сидеть’; *pen-* ‘положить’ > *penyo-* ‘быть положенным’; *xaue-* ‘оставить’ > *xauo-* ‘остаться, отстать’.
 - b. “Каритивные” отыменные глаголы, характеризующие субъект как лишенный чего-либо существенного: *tuasuo-* ‘быть бездомным’.
 - c. “одорфактивные” глаголы, характеризующие субъект как имеющий какой-либо специфический запах: *ngøtsaυø-* ‘пахнуть мясом’.
 - d. Имперфективные глаголы с суффиксом *trø-*.
 - e. Хабитуальные глаголы с суффиксом *-syøtø*.
 - f. Стативы, характеризующие активный субъект: *sed^oko* - Vintr ‘заниматься шитьем мелких предметов’ // *sedø*-Vtr ‘шить’ [Урманчиева 2013: 756-759].

В анализе А.Ю. Урманчиевой существенны три допущения (высказанные с большей или меньшей степенью эксплицитности):

- (6)
- a. Альтернирующие глаголы стативны.
 - b. Стативность альтернирующих глаголов имеет производный характер.
 - c. Альтернирующие глаголы на $-\emptyset^i$ и $-(y)o$ не показывают систематических семантических различий.

Каждое из этих утверждений нуждается в уточнении. Начнем с (5a).

Важнейший семантический критерий стативности — свойство истинности в точке (Taylor 1977, Bennet, Partee 1977, Dowty 1977, 1979 и последующая литература, см. обсуждение в Татевосов 2016). Истинность в точке, как явствует из названия, — это свойство, состоящее в том, что истинность предложения можно оценить применительно к моменту времени. Про любой временной интервал и про любой момент времени можно сказать, например, истинно ли предложение *Володя живет в Цюрихе*. Чтобы оценить, верно ли, что *Володя гуляет в парке*, необходим интервал; применительно к моментам это предложение не истинно и не ложно. Идея истинности в точке отражает динамический характер предикатов типа *гулять*: чтобы ответить на вопрос, удовлетворяет ли происходящее такому описанию, требуется ненулевой временной промежуток.

С этой точки зрения в списке случаев (5a-f) самый выигрышный для стативного анализа материал — это (5a) и (5b). Глаголы типа ‘сидеть’ и ‘быть положенным’ в (5a) безусловно стативны, как и ‘быть бездомным’ в (5b).

Хабитуальные предикаты в (5e), будучи производными предикатами индивидуального уровня (Krifka et al. 1995 и последующая литература), также удовлетворяют свойству истинности в точке. Если верно, например, что *Володя читает «Искру» по утрам*, то перед нами свойство, которым индивид обладает в любой момент времени, независимо от того, занят ли он в этот момент чтением «Искры». “Одорфактивные” глаголы в (5c) также удовлетворяют этому критерию.

Остаются (5d) и (5f). Имперфективные глаголы с суффиксом *мбѣ* {mpø-} в (5d), которые мы вслед за Т. Салминым называем дуративами, выражают, среди прочего, значение прогрессива. А. Ю. Урманчиева, по-видимому, рассматривает этот случай как нуждающийся в специальном объяснении. Действительно, в типологически ориентированной грамматической семантике, начиная по меньшей мере с [Comrie 1976], преобладает убеждение, что прогрессивы, которые образуются только от динамических предикатов, и сами представляют собой динамические предикаты. Соответственно, А.Ю. Урманчиева пытается сохранить стативный анализ для этого случая, предполагая, что значение прогрессива следует рассматривать как продукт диахронического развития исходного стативного значения. «Следует предполагать, — пишет она, — что развитие общей инкомплетивной семантики шло путем расширения значения от результата к имперфективу: объектный / субъектный результатив > имперфектив». Отвлекаясь от вопроса о том, насколько эмпирически реален путь диахронического развития из результата в имперфектив, следует заметить, что для стативного анализа имперфективные глаголы с суффиксом *-мбѣ* {mpø-} могут быть менее проблематичны, чем кажется А.Ю. Урманчиевой (хотя и не по той причине, о которой она пишет). В семантических исследованиях прогрессива имеется традиция (не преобладающая, но устойчивая, см., например, [Vlach 1993]) анализировать прогрессивы как стативы. Это позволяет, в частности, объяснить факты, где прогрессивы и стативы образуют по какому-то параметру естественный класс. Один из самых известных примеров в этом ряду — интерпретация английского перфекта. Так называемый универсальный перфект, когда описываемая ситуация имеет место в течение всего фокусного времени, допускается от стативных глаголов и от прогрессивов (ср. *I have been sick since yesterday* и *I have been reading Das Kapital since yesterday*), но исключается в прочих случаях (# *I have read Das Kapital since yesterday*.) Соответственно, имперфективы на *-мбѣ* {mpø-} можно было бы рассматривать не как аргумент против анализа альтернирующих глаголов как стативов, а как аргумент в пользу стативного анализа прогрессивов.

Самый нетривиальный случай в списке в (5), на наш взгляд, представлен в (5f). С точки зрения А. Ю. Урманчиевой, у глаголов типа *сэдѣко(сь)* {sedøko} ‘заниматься шитьем мелких предметов’ «ситуация представлена не как динамически развивающаяся, когда субъект постепенно реализует определенное действие над объектом, а как стативная, когда предикат используется для характеристики субъекта». Возможно, это верно, однако для вынесения окончательного суждения, как нам кажется, недостает материала. Если эти глаголы имеют только хабитуальную интерпретацию (скажем, ‘заниматься шитьем мелких предметов в порядке основного заработка’), описание А. Ю. Урманчиевой представляется оправданным. Однако если они допускают также и эпизодическую интерпретацию (например, ‘заниматься шитьем мелких предметов в момент наблюдения’), вывод об их стативном характере начинает казаться несколько преждевременным. По всем признакам в этом случае перед нами

представитель вендлеровских деятельности, или динамический неопределенный предикат.

Составить окончательное представление о характеристиках глаголов этого типа, однако, мешает то, что они отстоят от исходного глагола не на один шаг деривации, а на два. В образовании глагола *сэдәко(сь)* {sedøko} ‘заниматься шитьем мелких предметов’ от исходной основы *сэдә(сь)* {sedø} ‘сшить что-л. для кого-л.’ (см. [Терещенко 1965: 581]) участвует не только элемент *-(y)o*, но и показатель *-(ŋ)g* {(ng)k}. Пока его роль в деривационном процессе не прояснилась, делать выводы о вкладе *-(y)o* в интерпретацию кажется преждевременным. Этот случай в последующих рассуждениях мы оставим в стороне.

К сожалению, для стативного анализа есть данные, намного более проблематичные, чем дуративы на *мбә* {mpø-} или глаголы из (5f). Рассмотрим инхоативы в (7)-(8):

(7) *jiʔ loxo-m-ba-la.*
yiq loxo-m-pø-la-^o
 вода кипеть-M-DUR-INCH-GFS.3SGs
 ‘Вода начала кипеть.’

(8) *jiʔ loxo-m-ba-li.*
yiq loxo-m-pø-li
 вода кипеть-M-DUR-INCH-GFS.3SGs
 ‘Вода кипит.’

В (7) представлен вариант с ауслаутом на *-a*, *лохомбәла(сь)* {loxompøla}; в (8) — один из двух альтернирующих глаголов *лохомбәлә(сь)* {loxompølə^ʌ} или *лохомбәлэ(сь)* {loxompølyo}⁴. (7) описывает ситуацию ‘кипеть’, которую никак невозможно охарактеризовать как состояние, не придав этому понятию слишком расширительное толкование. Перед нами, несомненно, динамический неопределенный процесс.

Другая пара инхоативов показана в (9)-(10), где альтернирующий вариант также описывает не состояние, а процесс⁵:

⁴ Форма аориста 3SGs у всех альтернирующих глаголов образуется одинаково (см. Таблицу 1), поэтому только по примерам типа (8) невозможно понять, имеем ли бы дело с основой на *øⁱ*, *лохомбәлә(сь)* {loxompøləⁱ}, или с основой на *(y)o*, *лохомбәлэ(сь)* {loxompølyo}. См. подробнее Татевосов 2018.

⁵ В отличие от форм субъектного спряжения, формы возвратного спряжения от обоих глаголов описывают вхождение в результирующий процесс. В (i) и (iii) показано возвратное спряжение от глаголов на *a* *лохомбәла(сь)* {loxompøla} и *хәмдала(сь)* {xømtala}, в (ii) и (iv) — от их альтернирующих аналогов:

- (i) *jiʔ loxo-m-ba-le-j-ʔ.*
yiq loxo-m-pø-le-y^o-q
 вода кипеть-M-DUR-INCH-SFS -3SGr
Вода закипела.
- (ii) *jiʔ loxo-m-ba-li-ʔ.*
 вода кипеть-M-DUR-INCH-SFS-3SGs
Вода закипела.
- (iii) *jiʔ xλmda-le-j-ʔ.*
yiq xømta-le-y^o-q
 вода лить-INCH-SFS-3SGr
Вода начала литься.
- (iv) *jiʔ xλmda-li-ʔ.*
yiq xømta-le-y^o-q

(9) *was'a jidm xλmdala.*
wasya yid°-m xømta-la-°
 Вася вода-ACC лить-INCH-GFS.3SGs
 'Вася начал лить воду.'

(10) *ji? xλmdali.*
yiq xømta-li
 вода лить-INCH.GFS.3SGs
 'Вода льется.'

Каузативные глаголы демонстрируют тот же диапазон возможностей, что и инхоативные. В (11)-(12) показан каузатив глагола *мәнза(сь)* {mønca} 'шевелиться'.

(11) *was'a ηac'eki-m mλnza-ptā.*
wasya ngasyeki-m mønca-bta-°
 Вася ребенок-ACC шевелиться-CAUS-GFS.3SGs
 'Вася пошевелил ребенка.'

(12) *ηac'eki mλnza-pti.*
ngasyeki mønca-bti
 ребенок шевелиться-CAUS.GFS.3SGs
 'Ребёнок шевелится.'

С морфологической точки зрения, (9)-(10) и (11)-(12) параллельны (7)-(8): основа на *-a* в (9) и (11), альтернирующая основа в (10) и (12). Как и в (8), ситуации, описываемые в (10) и (12), не представляется возможным описывать как стативные. Стативность как общий семантический знаменатель для альтернирующих глаголов делается эмпирически неприемлемой.

3. Исходное и результирующее состояния

Опираясь на наблюдения над глаголами типа (7)-(12), а также на ту часть соображений из Урманчиева 2013, которые не вызывают содержательных возражений, можно попытаться сформулировать новое обобщение.

Сравним глаголы в (7), (9) и (11) с их аналогами на альтернирующий гласный в (8), (10) и (12). (7) описывает событие, которое состоит в том, что описываемая ситуация достигает кульминации, после которой возникает процесс кипения. (8) вводит в рассмотрение сам этот процесс. Двухместный предикат 'начать лить' в (9) описывает неспецифицированную деятельность агенса (например, взял бочку, наклонил, открыл кран) в результате которой пациенс (вода) достигает кульминации, после чего возникает процесс 'литься'. Альтернирующий дериват в (10) вновь описывает этот

вода лить-INCH.Ø.SFS-3SGr
Вода начала литься.

Это, видимо, происходит потому, что показатели возвратного спряжения не являются семантически нейтральными (в отличие от показателей субъектного) и модифицируют событийную структуру, возникающую на предшествующих этапах деривации (см. [Татевосов 2016b], где выдвигается гипотеза, что роль возвратного спряжения состоит в создании отношения между двумя событиями). Из-за этого семантика форм в (i)-(vi) практически не различается. Поэтому, если мы хотим увидеть подлинную роль «альтернирующих ауслаутов», следует ограничиться формами субъектного спряжения.

последний процесс. В результирующем процессе участвует только пациент, но не агент (роль агента ограничена участием в каузирующем подсобытии). Поэтому альтернирующий дериват оказывается одноместным пациентивом, как видно из неприемлемости (13), у которого сохранены оба аргумента.

- (13) **was'a* *jidm* *xλmdali*.
wasya yid°-m xømta-li
Вася вода-ACC лить-INCH.GFS.3SGs.
'Вася начал лить || льет воду.'

Сравнение форм субъектного спряжения исходного каузатива и альтернирующего деривата в (11)-(12) вновь показывает, что во втором предложении речь идет о событии, которое имеет место после кульминации события из первого предложения.

Эти примеры подводят нас к следующему семантическому обобщению по поводу альтернирующих глаголов:

- (14) Альтернирующий гласный ауслота основы представляет собой морфему, которая выделяет результирующее подсобытие (состояние или процесс) из события, описываемого исходным глаголом.

(14) отменяет (5a). Согласно (14), роль альтернирующих гласных — модификация структуры события, а не просто придание глаголу стивной акциональной характеристики. (14), однако, не затрагивает (5b-c).

Гипотеза в (14) полностью совместима с фактами, которые мы видим в (7)-(12). Однако можно ли на этом основании говорить о том, что любые альтернирующие глаголы описывают результирующее подсобытие, вычленяемое из той событийной структуры, которая соотносится с неальтернирующим вариантом?

В этом вопросе требуется большая осторожность, поскольку материал по меньшей мере частично совместим и с другим анализом. 'Кипеть' в (8) и 'литься' в (10) — это не результирующие процессы, а исходные. Не 'кипеть' получается из 'закипеть' выделением результирующего подсобытия, а 'закипеть' из 'кипеть' посредством перехода от дескрипции процесса к дескрипции события, приводящего к его возникновению. Точно так же, в (9)-(10), возможно, исходен не 'начать лить', а 'литься'. Соответственно, в таком случае вместо (14) верное обобщение начинает выглядеть как (15):

- (15) Альтернирующий гласный является морфологической этикеткой простой событийной структуры (состояния или процесса). Неальтернирующий гласный указывает на приращение подсобытия, ведущего к ее возникновению.

(15) отменяет не только (5a), но и (5b). Согласно (15), альтернирующие гласные указывают на событийно-структурную элементарность предиката. Состояния и процессы вводятся в рассмотрение не как результирующие, а как производные.

Провести (15) в жизнь для всех альтернирующих глаголов, однако, невозможно. Это становится очевидно, как только мы вспоминаем, что *bta* {*bta*} в (11)-(12) — это каузативный показатель. Событийная структура каузатива не может быть элементарной: она по необходимости содержит минимум два подсобытия (см., например, Lyutikova, Tatevosov 2014 и цитируемую там литературу). Соответственно, альтернирующий гласный в (12) не может находиться в составе этого глагола по причинам, описанным в (15).

В этом месте мы готовы предложить основную гипотезу этого исследования, для которой ключевым допущением выступает отказ от (5с). Альтернирующие элементы \emptyset^i и $(y)o$ играют разную роль в простроении событийной структуры:

- (16) Альтернирующий \emptyset^i вводит простую событийную структуру (состояние или процесс) в рассмотрение как исходную, в соответствии с (15), а $(y)o$ — как результирующую, сообразно (14).

В следующем разделе мы представим несколько наблюдений, подкрепляющих эту гипотезу.

4. Событийные структуры

Первый аргумент в пользу (16) опирается на следующее соображение. Если некоторая дескрипция возникает путем извлечения ее из более сложной дескрипции, последняя должна быть представлена отдельной лексической единицей. Например, результатив (Недялков, Яхонтов 1988 и последующая литература) со значением ‘сидеть’ — только тогда результатив, когда есть глагол со значением ‘сесть’, от которого он образуется. Если такого нет, то ‘сидеть’ — не результатив, а непроизводный глагол состояния.

В более общем случае семантическое отношение вида «вхождение в результирующее подсобытие vs. само результирующее подсобытие» возможно, только если в языке есть оба элемента. Если (16) верно, глаголы на $y(o)$ должны находиться в регулярных морфологических отношениях с глаголами, описывающими соответствующие изменения состояния. Для любого $(y)o$ -глагола должен найтись производящий глагол, обозначающий переход в новое состояние или возникновение нового процесса.

Насколько мы можем судить по нашему материалу и по материалу словарей Н. М. Терещенко и Т. Салминена, предсказание выполняется. В этом убеждает наличие пар непроизводных глаголов вида *хона(сь)* {хона} ‘идти спать, ложиться спать’ и *хонё(сь)* {хонуо} ‘спать’ в (3а), *ңамдә(сь)* {ngamtø} ‘садиться’ и *ңамдё(сь)* {ngamtyo} ‘сидеть’ и т.д., а также отсутствие непарных $y(o)$ -глаголов. Мы заключаем, что альтернирующий $(y)o$ действительно выделяет из сложной событийной структуры элементарное результирующее подсобытие.

Этот показатель имеет семантику сходную описанной для результатива в [Недялков, Яхонтов 1983], но не идентичную последней. Результативы вводят в рассмотрение только результирующее состояние и не у всех глаголов, а у только у предельных, описывающих вхождение в состояние — таких как ‘открывать’, ‘ломаться’, ‘засыпать’ или ‘садиться’. Результативы от них означают соответственно ‘быть открытым’, ‘быть сломанным’, ‘спать’ и ‘сидеть’. В случае с $(y)o$ мы получаем возможность выделить не только результирующие состояния, но и результирующие процессы.

Глаголы с альтернирующим \emptyset^i устроены, как кажется, иначе. Выше уже упоминались дуратив и хабитуалис из (4d-e). Соответствующие примеры представлены в (17) и (18).

- (17) wasja xidjam xAltambii || *xAltambΛ || *xAltamba.
 wasya xidya-m xøl°ta-mpyi xøl°ta-mpø° xøl°ta-mpa°
 Вася тарелка-ACC мыть-DUR.GFS.3SGs мыть-DUR-GFS.3SGs мыть-DUR-GFS.3SGs
Вася моет тарелку.

- (18) pida piisimo? padbasiti || *padbasita ||

pida pyisymoq pad°-pø-sy°ti pad°-pø-sy°tø°
 он письма.ACC.PL написать-DUR-НАВ.GFS.3SGs написать-DUR-НАВ-GFS.3SGs
 *padbʌsʌta.
 pad°-pø-sy°ta°
 написать-DUR-НАВ-GFS.3SGs
 {После завтрака} он пишет письма.

Можно ли содержание этих предложений понимать как результирующее подсобытие какого-то события? Полностью исключить такую возможность нельзя. Соответствующие дескрипции имели бы значение ‘войти в процесс мытья тарелки’ и ‘войти с состояние постоянного писания...’. Однако здесь выясняется примечательный факт: мы никогда не находим предикатов с таким значением. Его могли бы иметь варианты с *a* или неальтернирующим \emptyset^A , но Дуратив и Хабитуалис — это ровно те деривации, которые не образуют таких вариантов. В (16)-(17) [xʌltamba] и [padbʌsʌta] — это формы субъектного спряжения гипотетических глаголов {xøʌ°tampø^A} и {pad°pøsy°tø^A} с неальтернирующим \emptyset^A , а [xʌltamba] и [padbʌsʌta] — глаголов {xøʌ°tampa} и {pad°pøsy°ta} с *a*. Как показывают (16)-(17), такие формы неграмматичны. Дуративы на {mpø^A} и {mpa}, а также хабитуалисы на {sy°tø^A} и {sy°ta} не зафиксированы ни в словарях, ни в нашей базе данных. Это отсутствие выглядит слишком систематическим, чтобы объяснять его случайным совпадением.

Самое естественное предположение состоит в том, что значение типа ‘вхождение в результирующее подсобытие’ для Хабитуалиса и Дуратива вовсе недоступно. Следовательно, состояние или процесс, который обозначают эти дериваты, не описывается как результирующее.

Именно так, по-видимому, устроены и пары типа (2), повторяемые в (19). ‘Быть заснеженным’ — это не результирующее подсобытие для ‘наполнить, набить что-либо снегом, букв. заснежить’, а ‘быть прикушенным, зажатым, прищемленным’ — для ‘впитаться чем-л. во что-л.’. Напротив, состояния *ä* исходны; производны дескрипции на *a*, описывающие их возникновение.

- (19) а. *сырйтä(сь)* {siryitø} ‘быть заснеженным, быть покрытым снегом’
 сырита(сь) {siryita} ‘наполнить, набить что-либо снегом’
- б. *сяклä(сь)* {syak°lø} ‘быть прикушенным, зажатым, прищемленным’
 сякла(сь) {syak°la} ‘впитаться чем-л. во что-л.’

Если эта линия рассуждения верна, начинают выстраиваться определенные ожидания по поводу дистрибуции \emptyset^i и (*y*)*o* у глаголов с показателем каузатива. Выше мы видели каузатив *мәнзабта(сь)* {møncabta} ‘шевелить’ с показателем *бта* {bta}. Этот каузатив имеет в ауслауте неальтернирующий *-a*. Каузативы по необходимости имеют сложную событийную структуру, как минимум содержащую каузирующее и каузируемое подсобытия. Из этой структуры можно выделить элементарное процессное или стативное подсобытие, однако оно с неизбежностью будет производным — в том смысле что соответствующая дескрипция будет результатом преобразования исходной каузативной структуры. Если же верно, что \emptyset^i маркирует процессы и состояния как непродуцируемые, мы предсказываем, что каузатив с таким ауслаутом невозможен. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, это действительно так: ни в наших данных, ни в словарях не зафиксировано ни одного каузатива с показателем *бтä* {btø}.

Вторая часть предсказания также очевидна: поскольку процессное или стативное подсобытие, вычленяемое из каузативной структуры, — это результирующее подсобытие, а не исходное, для построения соответствующей дескрипции используется элемент *(y)o*. Эта часть также выполняется: в словаре представлено достаточное количество глаголов с показателем каузатива, различающихся именно на *a* и *(y)o*, причем различающихся ожидаемым образом. Некоторая их часть иллюстрируется в (20):

- (20) a. *ңадабта(сь)* {ngadabta} ‘приподнять (один конец чего-л.)’.
ңадабтё(сь) {ngadabtyo} ‘быть приподнятым (об одном конце чего-л.)’.
- b. *ңодабта(сь)* {ngodabta} ‘запрокинуть назад голову, задрать вверх нос.’
ңодабтё(сь) {ngodabtyo} ‘быть с запрокинутой головой, с задранной вверх носом’
- c. *пәңгәбта(сь)* {pəngəbta} ‘скрутить (напр. нитки, жилы для шитья)’
пәңгәбтё(сь) {pəngəbtyo} ‘быть кривым, искривлённым (напр. о дереве, туловище человека)’.
- d. *поркабта(сь)* {porkabta} ‘поднять, поставить что-л. вертикально’
поркабтё(сь) {porkabtyo} ‘быть выставленным, высунутым; быть поднятым торчком.’

В каждой из этих пар второй компонент описывает результирующее состояние, возникающее при осуществлении события, обозначаемого первым компонентом, как и ожидается.

Точно так же соотносятся и глаголы в (11)-(12) выше. В (11) представлена форма субъектного спряжения каузативного глагола *мәңзабта(сь)* {məncabta} ‘шевелить’, а в (12) — глагола *мәңзабтё(сь)* {məncabtyo} ‘шевелиться’⁶.

5. Альтернирующие глаголы с \emptyset^i

Если (16) верно, то неальтернирующие глаголы с *a* или *e* противопоставлены альтернирующим глаголам с \emptyset^i не как вхождение в результирующую ситуацию и результирующая ситуация, а как исходная ситуация и вхождение в эту ситуацию.

В этом разделе мы рассмотрим дополнительные факты, с одной стороны, подкрепляющие этот вывод, в с другой — вносящие в него некоторое уточнение.

⁶ По форме аориста 3SGs *манза-пти* {məncə-bti} невозможно определить, имеем ли мы дело с глаголом *мәңзабтё(сь)* {məncabtyo} с *(y)o* или *мәңзабтә(сь)* {məncabtəⁱ} с \emptyset^i . аористы 3SGs этих двух глаголов омонимичны. На помощь приходит отрицательный аорист, который образуется с использованием вспомогательного глагола в комбинации и коннегативом. В коннегативе глаголов \emptyset^i аудлаутный сегмент преобразуется в *и*, а у глаголов на *(y)o* — в *уи*:

(i)	*nī	manzabtu?	(ii)	nī	manzabtu?
	nyī	məncə-btu-q		nyī	məncə-btyu-q
	NEG.3SGs	шевелиться-CAUS-CNG		NEG.3SGs	шевелиться-CAUS-CNG

(i) и (ii) показывают, что отрицательный аорист 3SGs имеется у *мәңзабтё(сь)* {məncabtyo} в (ii), но не у *мәңзабтә(сь)* {məncabtəⁱ}. Экстраполируя это обобщение на утвердительные формы, мы приходим к выводу, что (12) — также форма *мәңзабтё(сь)* {məncabtyo}.

Среди пар глаголов, различающихся на неальтернирующий *a* (или *e*) и альтернирующий \emptyset^i , обнаруживаются такие, где элемент с \emptyset^i вовсе невозможно анализировать как описание результирующие состояния, обозначаемого элементом с *a* или *e*. Вот несколько примеров:

- (21) a. *хавопятă(сь)* {xawopyatø} ‘носить металлические подвески в ушах (о женщине)’.
хавопята(сь) {xawopyata} ‘надеть кому-л. металлические подвески в уши’.
- b. *хăлакăтă(сь)* {xølakøtø} ‘быть одетым в верхнюю одежду с закрытыми рукавичками (о ребёнке).
хăлакăта(сь) {xølakøta} ‘пришить закрытую рукавичку к детской одежде’.
- c. *сындă(сь)* {sintø} ‘заниматься тем, что доставать продукты из продуктовой нарты’ = ‘использовать запас’
сында(сь) {sinta} ‘отложить про запас’
- d. *вăдетă(сь)* {wødyetø} ‘удить, заниматься ужением’ (неперех.)
вăдета(сь) {wødyeta} ‘поддеть, зацепить крючком’

(21a) очень похож на соотношение ‘вхождение в состояние’ — ‘результирующее состояние’. Однако если присмотреться внимательнее, становится ясно, что ‘носить серьги’ — это не результат ‘надеть кому-л. серьги’. Результирующее состояние — это ‘быть в серьгах’. Между ‘быть в серьгах’ и ‘носить серьги’ есть небольшая, но ненулевая семантическая дистанция. Первое — это состояние, а второе — деятельность, участник которой имеет агентивные свойства. ‘Носить серьги’ — это ‘делать так, чтобы в релевантных ситуациях имело место состояние ‘быть в серьгах’.

В (21b) глагол на \emptyset^i отстоит еще на один шаг дальше от результирующего состояния той ситуации, которую описывает глагол на *a*. Состояние, соотносящееся с ‘пришить закрытую рукавичку к детской одежде’ (глагол *хăлакăта(сь)* {xølakøta}), — это ‘иметь в качестве составной части пришитую рукавичку’. В значении *хăлакăтă(сь)* {xølakøtø} этот компонент есть, но есть и некоторое приращение: ‘быть одетым в верхнюю одежду с закрытыми рукавичками’ — это ‘использовать по назначению предмет, находящийся в состоянии ‘иметь в качестве составной части пришитую рукавичку’.

В (21c) соотносимое состояние для ‘отложить про запас’ — это ‘быть в запасе’ (≈ ‘находиться в продуктовой нарте’). ‘Заниматься тем, что доставать продукты из продуктовой нарты’ — это другая ситуация, которая, однако же, тоже имеет непосредственное отношение к этому состоянию. Ее можно описать как ‘использовать по назначению объект, находящийся в состоянии ‘быть в запасе’.

В (21d) семантика глагола на \emptyset^i уходит еще дальше от глагола на *a*. Ситуации ‘подцепить на крючок’ соответствует состояние ‘быть на крючке’. Глагол на \emptyset^i вновь включает это состояние в свое толкование, однако иначе, чем в предыдущих случаях. На этот раз он описывает ситуацию ‘делать так, чтобы некоторые объекты входили в состоянии ‘быть на крючке’.

Семантика глаголов на \emptyset^i из (21) постепенно проясняется. Все они представляют собой вендлеровские деятельности, которые некоторым образом опираются на заданное состояние. В (22a) общий знаменатель дан в неформальной формулировке; в (22b) — на несколько более эксплицитном теоретико-модельном языке.

- (22) Семантический шаблон для глаголов из (21):
- a. X делает так, чтобы между ним и состоянием s с дескриптивными свойствами S имело место отношение R .
 - b. $\| V^o \| = \lambda x. \lambda e. \text{activity}(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \exists s. R(x)(S)(s)(e)$

Схема в (22) представляет собой шаблон одноместного агентивного глагола, семантика которого строится вокруг состояния с заданными дескриптивными свойствами. Положительный компонент значения каждого такого глагола — это информация о характеристиках состояния, заключенная в дескрипции S («лексическая константа» в терминах [Rapaport, Novav, Levin 1998]; в (22b) выделена полужирным). Она отвечает за семантическое своеобразие каждого глагола. Остальные компоненты у всех единиц этого класса одинаковы. Отношение R , однако, допускает некоторую подвижность в интерпретации, определяемую контекстными и энциклопедическими знаниями.

Подставляя в качестве S конкретную дескрипцию состояний и фиксируя значение R , мы получаем лексические значения для (21a-d). Возможные варианты реализации R для случаев в показаны в (23a-c):

- (23) Доступные значения для отношения R
- a. $\text{REPRESENT}(x)(S)(s)(e) = 1 \equiv$ в любой контекстно-релевантной подситуации v ситуации e , $v \subseteq e$, x находится в состоянии s , удовлетворяющем дескрипции S
 - b. $\text{MAKE.USE}(x)(S)(s)(e) = 1 \equiv$ в любой контекстно-релевантной подситуации v ситуации e , $v \subseteq e$, x использует по назначению некоторый y , находящийся в состоянии s , удовлетворяющем дескрипции S ;
 - c. $\text{ACQUIRE}(x)(S)(s)(e) = 1 \equiv$ в любой контекстно-релевантной ситуации v ситуации e , $v \subseteq e$, x приобретает некоторый y , находящийся в состоянии s , удовлетворяющем дескрипции S ⁷.

Для ‘носить серьги’ в (21a) задействуется отношение REPRESENT из (23a), а состояние S фиксируется как ‘быть в серьгах’. Глагол *хавонятъ(сь)* {xawonyatø} получает толкование ‘ x делает так, чтобы в любой контекстно-релевантной ситуации v он находится в состоянии s , удовлетворяющем дескрипции ‘быть в серьгах’’. Как представляется, именно в этом и состоит представленное в словаре значение ‘носить серьги’.

Для (21b-c) с помощью отношения MAKE.USE из (23b) возникает толкование ‘ x делает так, чтобы в любой контекстно релевантной ситуации v он использовал по назначению сущности, находящиеся соответственно в состоянии ‘иметь в качестве составной части пришитую рукавичку’ и ‘быть отложенным про запас в продуктовую нарту’. Эти сущности не являются актантами результирующего глагола: они подвергаются семантической инкорпорации через связывание квантором существования, как в (23b).

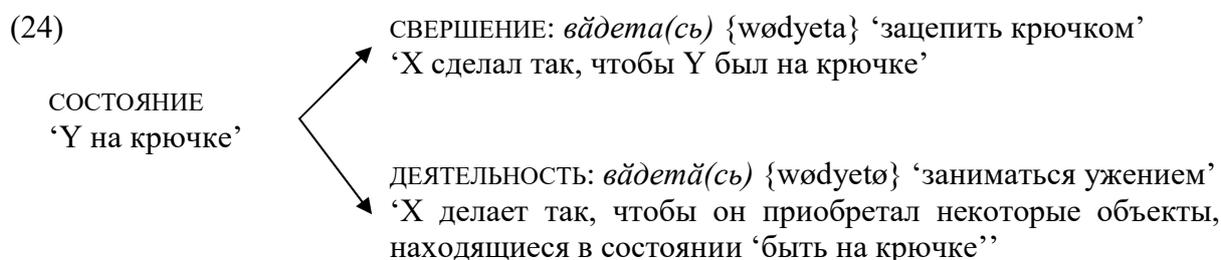
В (21d), наконец, толкование ‘ x делает так, чтобы в любой контекстно-релевантной ситуации v он приобретает некоторый y , находящийся в состоянии s ,

⁷ Для *вядетъ(сь)* {wødyetø} ‘удить, заниматься ужением’ значение, близкое к наблюдаемому, можно было бы получить и иным путем — антипассивной деривацией от *вядета(сь)* {wødyeta} ‘поддеть, зацепить крючком’. При такой деривации позиция внутреннего аргумента с ролью пациенса связывается квантором, в результате чего образуется непереходный глагол, описывающий деятельность агенса. Такой сценарий, однако, неприменим для других \emptyset -глаголов в (20), и с этой точки зрения предложенный нами вариант выглядит предпочтительнее.

удовлетворяющем дескрипции ‘быть на крючке’ получается при помощи отношения в (23с), в котором участвует состояние ‘быть на крючке’.

Важное отличие (23а) от (23b-с) состоит в том, что только в первом случае внешний аргумент, агенс, выступает также носителем состояния. В прочих случаях это другой индивид, соответствующей связанной квантором существования переменной. Такая семантическая структура представляется типологически достаточно необычной для глаголов класса деятельности. Классические деятельности в более описанных языках не никогда не содержат семантически инкорпорированного актанта (см., среди многих других, Clark, Clark 1979, Rappaport Hovav, Levin, 1998, Hale, Kayser 2002, McIntyre 2014). В этом отношении ненецкий материал представляет особый интерес для теории аргументной структуры, однако у нас нет возможности обсуждать этот сюжет подробнее в пределах этой статьи.

Основное обобщение, которое позволяют сделать эти наблюдения, состоит в том, что пары в (21a-d) не связаны друг с другом отношением непосредственной семантической деривации. Напротив, они оба представляют собой семантические дериваты, независимо возникающие из одного источника, дескрипции состояний, как показано на схеме в (24) для пары в (21d):

В теоретико-модельных терминах каждой из этих возможностей можно сопоставить анализ в (25):

- (25) а. Состояние: $\lambda x.\lambda s.\text{на.крючке}(x)(s)$
 б. Свершение: $\lambda y.\lambda x.\lambda e.\text{activity}(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \exists s:\text{cause}(s)(e) \wedge \text{на.крючке}(y)(s)$
 в. Деятельность: $\lambda x.\lambda e.\text{activity}(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \exists y \exists s:\text{acquire}(x)((\text{на.крючке})(y))(s)(e)$.

Семантическое представление деятельности в (25в), где в него встраивается дескрипция состояния, непосредственно соотносится с идеей, содержащейся с первым декомпозициональным анализе глаголов этого класса, предложенном Д. Даути (Dowty 1979). Анализ показан в (26):

- (26) Шаблон деятельности Д. Даути
 $\text{DO}(x, \pi(x, y, y', \dots))$

В этом шаблоне предикат π — это предикат над состояниями, выступающий аргументом оператора DO. Второй аргумент DO — индивид, представленный переменной x , а все вместе это значит ‘ x делает так, чтобы имело место состояние π ’. Сам x — обязательный участник π , но кроме него, допускаются и любые другие участники y, y' и т.д. Последующие теории предикатной декомпозиции отказались от этой идеи Д. Даути — деятельность представляет собой усилия агенса по созданию и поддержанию состояния. В большой степени это, по-видимому, произошло из-за

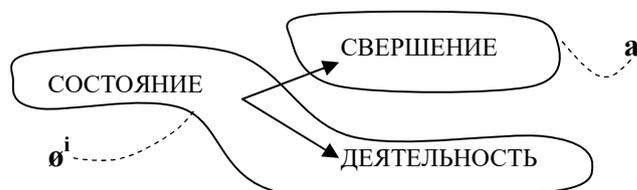
отсутствия на тот момент убедительных эмпирических аргументов в пользу такой декомпозиции. Ненецкие данные можно рассматривать именно как аргумент такого рода. В (25с) аналогом DO выступает компонент activity, а состояние вступает в более сложные отношения с агенсом, которые заданы в (23). В прочих аспектах (25с) можно рассматривать как близкий семантико-событийный аналог шаблона деятельности из (26).

6. Общая картина

Соединяя наблюдения из (19а-б) с анализом глаголов типа *в̄дет̄(сь)* {w̄dyet̄} ‘удить, заниматься ужением’ из (21d), мы подходим к завершающему обобщению об альтернирующих \emptyset^i -глаголах в (27), которое графически представлено в (28):

(27) альтернирующие \emptyset^i -глаголы могут описывать любой член тройки (НЕПРОИЗВОДНОЕ) СОСТОЯНИЕ — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — СВЕРШЕНИЕ, имеющий простую событийную структуру.

(28) Непроизводные состояния, деятельности и свершения

Согласно, (27) и (28), \emptyset^i -глаголы могут обозначать как элементарные состояния, так и производные от них деятельности.

Важный дополнительный аргумент в пользу анализа, где \emptyset^i привязан и к состояниям и к деятельности, дают некоторые глагольные основы с множественными вариантами ауслаута, где \emptyset^i -вариант неоднозначен. Насколько можно судить по нашей базе данных и словарному материалу из [Терещенко 1965], такая неоднозначность всегда одинакова: одно значение представляет собой состояние, а второе — производную от него деятельность. Это иллюстрируется примерами типа (74):

- (29) а. *ват̄(сь)* {wat̄} ‘быть загороженным’
 б. *ват̄(сь)* {wat̄} ‘загораживать, заниматься загораживанием’.
 в. *вата(сь)* {wata} ‘загородить, обнести забором, изгородью; отгородить’

Глагол *ват̄(сь)* {wat̄} описывает и непроизводное состояние в (29а), аналогичную (19а-б), и производную деятельность в (29б), которая похожа на (21а-д). Глагол *вата(сь)* {wata} в (29с) представляет собой переходное свершение. Ровно такую дистрибуцию и следует ожидать, исходя из (27)-(28).

В систему в (27)-(28) легко интегрируются глаголы на (y)o. Они, согласно (16), описывают результирующее состояние. Добавляя их к схеме (28), мы получаем (30):

(30) Состояния, деятельности и свершения

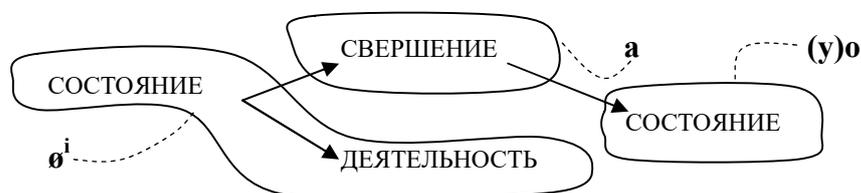

Схема в (30) придает общей картине относительную законченность. Она складывается из двух важнейших элементов. Первый — гипотеза о том, что глаголы с ауслутом на *a* и *e* систематически образуют предикаты, имеющие событийную сложную событийную структуру — два подсобытия, разделенные точкой кульминации. Такова, в частности, структура свершений. Это же, вероятно, верно (возможно, с оговорками и уточнениями) для глаголов с ауслутом на другие неальтернирующие гласные — например, *e* или \emptyset^A .

Второй элемент, — идея, что \emptyset^i -глаголы и *y(o)*-глаголы соотносятся с разными состояниями и процессами. Первые — с «исходными», вторые — с результирующими. Как кажется, для такого хода есть достаточно эмпирических оснований, которые не были в должной мере оценены в предшествующих исследованиях.

Такая недооценка неудивительна: различие между двумя типами состояний и процессов трудно увидеть, поскольку оно заключается не в их дескриптивных свойствах, а в указании на предшествующее событие. Характерный пример такого рода — английское прилагательное *open*, описывающее непроизводное состояние и причастие *opened* с семантикой результирующего состояния. И *open* и *opened* обозначают состояния ‘быть открытым’, а в русском языке обоим соответствует отглагольный адъектив *открыт(ый)*. Различие связано с тем, что для *opened*, предиката над результирующими состояниями, имплицитно предшествующая кульминация, приводящая к его возникновению, тогда как *open*, предикат над непроизводными состояниями, не несет никакой информации на этот счет. Дверь, удовлетворяющая описанию *opened door*, находится в состоянии ‘открыта’ постольку, поскольку имело место событие открывания. *Open door* ничего не сообщает о том, откуда возникло состояние. Всякая дверь из экстенционала *opened door* входит в экстенционал *open door*, и предикаты тем самым связаны отношением подмножества: $opened \subseteq open$, а соответствующие предложения — отношением асимметричного следования. Тем не менее, их дескриптивные свойства не различаются вовсе, и именно из-за этого, по-видимому, суждения носителей об условиях истинности не отличаются достаточной отчетливостью⁸.

Хорошая иллюстрация к сказанному — тройка глаголов в (4), повторяемая как (31), где представлены все морфологические элементы из (30):

- (31) а. *ваңглă(сь)* {wangk°lɔ} 1) быть в берлоге (о медведе); 2) быть в снежной ямке (о куропатке);
 б. *ваңгла(сь)* {wangk°la} 1) залечь в берлогу (о медведе); 2) зарыться в снежную ямку (о куропатке).
 в. *ваңглё(сь)* {wangk°lyo} 1) лежать в берлоге (о медведе); 2) находиться в снежной ямке (о куропатке) [Терещенко 1965: 43].

Чем отличаются ‘быть в берлоге’ в (30а) от ‘лежать в берлоге’ в (30с)? Если наше предположение верно, то мы имеем дело с состоянием с одинаковыми дескриптивными свойствами. Семантическое различие, которое Н. М. Терещенко отразила как ‘быть’ vs. ‘лежать’, сводится к тому, что к *ваңглё(сь)* {wangk°lyo} прилагается следующий элемент смысла: на некотором интервале, предшествующем фокусному времени, осуществилась ситуация ‘залечь в берлогу’, описываемая как *ваңгла(сь)* {wangk°la} из (30б).

⁸ Заметим, что этому способствует и синкретизм в парадигме: \emptyset^i -глаголы и *y(o)*-глаголы, как мы видели, имеют идентичные формы аориста как в субъектном, так и в возвратном спряжении.

Можно думать и о других аргументах в пользу того, что \emptyset^i -глаголы описывают непроеизводные, а $y(o)$ -глаголы — результирующие состояния. Например, есть один класс предикатов, где отношение подмножества между непроеизводными и результирующими состояниями не возникает, и это можно пытаться использовать для того, чтобы подтвердить гипотезу в (30).

По крайней мере в языках типа русского существуют непроеизводные состояния, которые обозначаются параметрическими прилагательными, привязанными к открытой шкале, такие как *длинный* или *холодный*. Соответствующие предложения утверждают истинность положительной степени этих прилагательных: *Суп холодный* описывает такое положение вещей, в котором температура супа оказывается ниже контекстно заданного стандарта. От этого прилагательного образуется глагол-свершение *охлаждать*, а затем с помощью пассивного причастия — дескрипция соответствующего результирующего состояния *охлажден*. Известная особенность этого деривационного процесса состоит в том, что истинность положительной степени при деривации не сохраняется: из *охлажденный* не следует *холодный*. Если предположить, что ненецкий язык в этом отношении устроен так же, мы можем пытаться найти такие глагольные основы, которые создают тройку типа (31), где есть и \emptyset^i -глагол, обозначающий параметрическое свойство, и $(y)o$ -глагол. Если окажется, что отношения подмножества между экстенционалами этих единицами нет, это будет весомый аргумент в пользу исходности состояний на \emptyset и производности состояний на $(y)o$. Эмпирическую проверку этой возможности, однако, еще предстоит осуществить.

В завершающем разделе мы сформулируем самые общие соображения о месте ненецких «ауслатов» на более широком типологическом и теоретическом фоне.

7. Морфология событийной структуры

Явления, о которых шла речь в предыдущих разделах, имеют в основном семантическую природу: они связаны с вариативностью в структуре глагольного значения, в составе и свойствах его компонентов и т. д. Сегмент в ауслате основы, отражает, согласно нашей гипотезе, эту событийно-структурную вариативность. Какой механизм обеспечивает взаимодействие событийной структуры и морфологии?

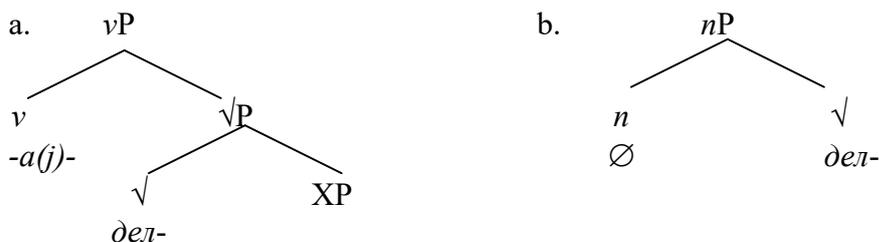
Свойства ненецких ауслатных элементов, как кажется, неожиданным образом перекликаются с тем, как в последние годы стало возможно понимать роль так называемых «тематических элементов» в славянских языках. Русские тематические элементы показаны в (32):

- (32) Тематические элементы в русском языке
a.	-a(j)-	дел-а-ть	cf. дел-о
b.	-e(j)-	бел-е-ть	cf. бел-ый
c.	-ova-	голос-ова-ть	cf. голос
d.	-i-	голос-и-ть	cf. голос
e.	-nu-	сох-ну-ть	cf. сух-ой
e'.	-nu-	свист-ну-ть	cf. свист
f.	-a-	пис-а-ть	cf. пись-м-о
g.	-e-	обид-е-ть	cf. обид-а
h.	-o-	кол-о-ть	cf. кол

Благодаря статье А. Маранца [Maranz 1997] и ряду последующих работ возникла традиция анализа элементов такого рода как грамматических показателей глагольности — таких единиц, которые, соединяясь с составляющей никакой части речи,

превращают ее в глагол. В (78) показан анализ в этом духе глагола *делать*; роль вершины *v*, выражаемой тематическим элементом *-a(j)-*, состоит в том, чтобы превратить акатегориальный корень ($\sqrt{\text{v}}$) *дел-* в глагольную группу и обеспечить синтаксическую реализацию его актантажной структуры (то есть «лицензировать» ее). Существительное *дело* образуется от того же корня с помощью другого грамматического элемента *n*, который, в отличие от *v*, не допускает, чтобы его комплемент имел внутренний аргумент.

(33) *Делать* и *дело* в русском языке

Таким образом, «тематические гласные/элементы» у глаголов — это показатели синтаксического класса, морфемы, которые представляют собой фонологические реализации вершины *v*.

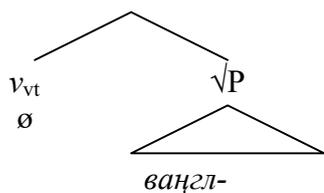
В контексте нашего исследования существенно то, что благодаря такому подходу открывается возможность существенно изменить представления о морфосинтаксической функции тематических элементов. Поскольку они выступают фонологической реализацией вершины *v*, можно ожидать, что выбор элемента может зависеть от характеристик *v*. Характеристики *v* могут варьировать по меньшей мере в двух измерениях: какой структурный вклад *v* вносит в деривацию и насколько она чувствительна к свойствам комплемента.

Это дает возможность объяснить, например, корреляцию между событийной структурой глаголов типа *(но)белить* и *(но)белеть* и выбором тематического элемента. Элемент *-и-* может выступать реализацией такой вершины *v*, которая способна создавать переходную глагольную группу с внутренним и внешним аргументами. Элемент *-е-*, с другой стороны, встречается только в непереходных структурах, в большинстве из которых описывается изменение состояния единственного актанта. В этом смысле каждый тематический элемент становится фонологической этикеткой определенного класса событийно-структурных конфигураций (хотя, конечно, не для всех единиц в (32) такие корреляции устанавливаются так же легко, как для *-и-* и *-е-*).

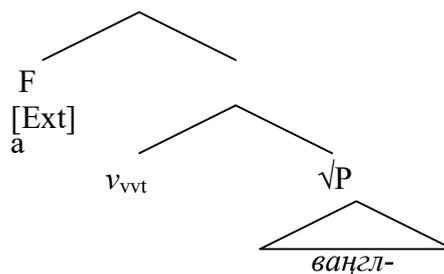
Между русскими тематическими элементами и ненецкими «гласными ауслауте» начинает прорисовываться отчетливое сходство. Различия в ауслауте, как выясняется, имеют в ненецком языке четкие событийно-структурные корреляты, которые описываются, например, в терминах вендлеровских классов в варианте Д. Даути [Dowty 1979]. Конечно, они функционируют немного по-другому: дистрибуция «тематических элементов» в русском языке не чувствительна к предельности, а дескрипции результирующих состояний деривируются принципиально иначе, чем в ненецком, — при помощи причастий. Тем не менее, общие контуры системы в том и другом языке оказываются похожи.

Вот простейший набросок ненецкой системы на примере тройки в (31), где реализованы все элементы:

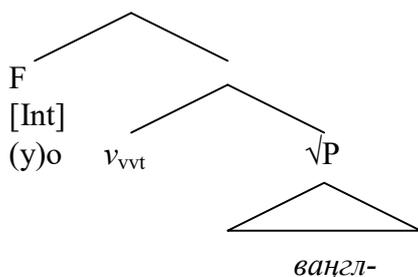
(34) a.

b.

c.

В (34a-с) мы опираемся на предположение, что в ненецком языке максимальные проекции корней, которые приобретают глагольные свойства в процесс деривации, интерпретируются как предикаты состояния или процесса. (В (34a-с) мы следуем за А.Маранцем в том, что корень лишен категориальной спецификации, но от этого допущения в последующих рассуждениях ничего не зависит.) Проекция корня соединяется с глагольной вершиной v , для которой мы предполагаем две разновидности с разным логическим типом. Первая, которая представлена в (34a) и обозначена как v_{vt} , создает простую событийную структуру, денотат которой представляет собой событийный предикат логического типа $\langle v, t \rangle$. Она допускает две семантические реализации, которые показаны в (35):

$$(35) \quad \| v_{vt} \| = \begin{cases} \lambda S.S & \textcircled{1} \\ \lambda S.\lambda x.\lambda e. \text{activity}(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \exists s. R(x)(S)(s)(e) & \textcircled{2} \end{cases}$$

Благодаря (35), выстраиваются структуры состояний и деятельности в духе Д. Даути. Вариант $\textcircled{1}$, функция эквивалентности, соединяясь с денотатом \sqrt{P} , дает предикат над состояниями или (неагентивным) процессами. Вариант $\textcircled{2}$ добавляет к \sqrt{P} агентивный компонент и дает, в частности, событийную структуру деятельности. У тройки в (31) корень обозначает состояние, а при интерпретации v_{vt} задействуется, по-видимому, вариант $\textcircled{1}$. В (21) выше мы видели примеры глаголов на \emptyset^i с вариантом $\textcircled{2}$.

Другая разновидность v , обозначенная как v_{vvt} , производит глагольную группу, которая имеет логический тип отношений между двумя событиями $\langle v, \langle v, t \rangle \rangle$. Она отвечает за сложные событийные структуры — свершения и достижения, как показано в (36):

$$(36) \quad \| v_{vvt} \| = \begin{cases} \lambda S. \lambda e'. \lambda e. \text{activity}(e) \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge S(e') & \textcircled{3} \\ \lambda S. \lambda e. \lambda e'. \text{INCEPT}(e')(e) \wedge S(e') & \textcircled{4} \end{cases}$$

Вариант $\textcircled{3}$ создает каузативную структуру свершений, и глагольная группа представляет собой отношение между каузариующим и каузируемым событиями. С

помощью варианта ④ деривируется структура достижений, которая представляет собой отношение между состоянием или процессом и событием, в котором они начинаются иметь место. INСЕР, таким образом, следует рассматривать как событийно-семантический вариант оператора ВЕСОМЕ у Д. Даути. Определения INСЕР мы не даем, см., например, Piñón 2001, где предлагается анализ ВЕСОМЕ в событийных терминах.

Вариант ③ представлен, очевидно, у переходных глаголов типа (31b), а также, например, всех глаголов на *a* в (19)-(21). Примером структуры, которая интерпретируется с применением варианта ④, могут служить (7) и (9).

Чтобы участвовать в дальнейшей деривации, отношение между событиями должно быть преобразовано в событийный предикат. Этого, в частности, требуют вышерасположенные операторы вида и времени. Мы предполагаем, что это происходит при помощи операторов Ext и Int, которые представляют собой денотаты признаков [Ext] и [Int]. Признаки размещаются в функциональной вершине F, присоединяющей глагольную группу в качестве комплемента. Ее точная идентификация не имеет решающего значения. [Ext] и [Int] показаны в (37):

- (37) a. $\| [Ext] \| = \lambda R. \lambda e. \exists e': R(e')(e)$
 b. $\| [Int] \| = \lambda R. \lambda e. \exists e': R(e)(e')$

Оба оператора обеспечивают экзистенциальное закрытие одного из аргументов отношения между событиями и создают событийный предикат. Ext связывает «внутренний» аргумент, т.е. каузируемое событие в случае ③ или инициируемое событие в случае ④. Int — зеркальное отражение Ext; он связывает «внешний» аргумент и оставляет семантически активным «внутренний». Int — точный аналог оператора стативизации Stat («стативизатор»), предложенного впервые в Kratzer 2000, а Ext — оператора Event («эвентизатор»), используемого в работах А. фон Штехова, начиная с Paslawska, von Stechow 2003. Таким образом, в одном случае возникает дескрипция каузирующих/инициирующих подсобытий, в другом — каузируемых/инициируемых.

Отдельный компонент системы — механизм, ответственный за внедрение в структуру внешнего аргумента. Можно допустить, что внешний аргумент рождается в спецификаторе F. Притягательная сторона такого решения состоит в том, что оно открывает возможность увязать свойства F ([Ext] или [Int]) с наличием спецификатора. Спецификатор проецируется только в том случае, если присоединение F создает предикат «внешних» подсобытий, которые нуждаются в синтаксически реализованной информации об участнике. В противном случае «внешние» подсобытия закрываются квантором, и их аргумент в деривации не возникает (хотя, возможно, вводится с помощью адъюнктов). Вершину F можно тем самым отождествить с вершиной Voice, которая, судя по всему, необходима в теории по независимым соображениям (Harley 2013). Более подробную проработку теории ненецкого залога (а тем более общей теории залога) мы отложим на будущее. (Весьма вероятно, что в действительности для ненецкого языка за вершиной Voice следует закрепить не Ext и Int, а грамматические характеристики более высокого уровня — в частности, те, которые отвечают за выбор «типа спряжения» и его морфосинтаксическое обеспечение.)

Последнее соображение относится к морфологической стороне (34a-c). В соответствии с (34a), сегмент \emptyset^i рассматривается как морфологическая реализация вершины v_{vt} , $(y)o$ — вершины F [Int], а неальтернирующие гласные — вершины F [Ext]. Вершина v_{vvt} в этом случае не имеет поверхностного выражения. Возможная альтернатива состоит в том, чтобы признать возможность реализации нескольких смежных вершин одним и тем же морфологическим материалом (например, в духе

наносинтаксиса [Starke 2010]). При таком анализе неальтернирующие элементы будут закреплены за последовательностью [v_{vvt} — F [Ext]], а $(y)o$ — [v_{vvt} — F [Int]].

При таком анализе альтернирующие \emptyset^i и $y(o)$ не образуют естественный грамматический класс. Их членство в общем (мор)фонологическом классе в таком случае должно иметь не грамматическую, а фонологическую подоплеку.

Таковы самые общие контуры анализа системы ненецких ауслаутов. Более полное описание, безусловно нуждается в проработке дополнительных деталей, как содержательных, так и технических. В частности, (34а-с) следует распространить на те случаи, когда ауслаутные гласные соединяются не непосредственно с глагольным корнем, а с основой, содержащей, кроме него, разнообразные деривационно-морфологические элементы. Решение этой задачи, однако, остается за пределами наших заметок.

8. Заключение

Мы надеемся, что обсуждение было полезно по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, были предложены некоторые дополнения и уточнения к сумме обобщений о деривационной морфологии ненецкого языка и месте в ней событийно-структурных морфем, расположенных в ауслауте глагольной основы. Во-вторых, появляется надежда, что семантическая интерпретация этих компонентов более предсказуема, систематична и композициональна, чем обсуждавшийся до сих пор материал позволял предположить.

Условные сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо, ABL аблатив, ACC аккузатив, CAUS каузатив, DAT датив, DUR дуратив, FREQ фреквентатив, FUT будущее время, GEN генитив, GFS общая финитная основа, HAB хабитуалис, INCH инхоатив, IPFV имперфектив, ITER итератив, LOC локатив, M непродуктивная деривация на -m, o объектное спряжение, PL множественное число, PST прошедшее время, r возвратное спряжение, s субъектное спряжение, SFS специальная финитная основа, SG единственное число

Литература

- Буркова 2010 — Буркова С.И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург, 2010. С. 180–349. [S.I. Burkova. Kratkij očerk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo jazyka. [A concise grammatical sketch of Tundra Nenets grammar]. Ekaterinburg, 2010. Pp. 180-349.]
- Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 26–28 октября 2010. Новосибирск: Издательство НГУ, 2010. С. 54–65 [V.Y. Gusev. Stativy i dekauzativy v samodijских языках. [Statives and anticausatives in Samoyedic languages.] Proceedings of the Third international conference on Samoyedic languages. Novosibirsk, 2010. Pp. 54-65]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983. С. 5—41.
- Татевосов 2016 — Татевосов С.Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: Актантно-акциональные классы и типы спряжения // *Вопросы языкознания*. №3, 2016. С.81-114. [S.G. Tatevosov. Struktura i interpretaciya neneckogo glagola:

- Aktantno-akcional'nye klassy i tipy spryazheniya. *Voprosy yazykoznanija* 3, 2016. Pp. 81-114.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н.М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1947. [N.M. Tereshchenko. Ocherk grammatiki nenezkogo (jurako-samojedского) jazyka [A sketch of the Nenets (Jurak-Samoyed) grammar]. Leningrad, 1947.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н.М. *Ненецко-русский словарь*. М., 1965. [N.M. Tereshchenko. Nenecko-russkij slovar'. [Nenets-Russian dictionary.] Moscow, 1965.]
- Терещенко 1973 — Терещенко Н.М. *Синтаксис самодийских языков. Простое предложение*. Л., 1973. [N.M. Tereshchenko. Sintaksis samodijskih jazykov. Prostoe predlozhenie. [Syntax of Samoyedic Languages. Clausal structure.] Leningrad, 1973]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // *Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. Т. 9, №2, 2013. [A.Y. Urmanchieva. Obrazovanie form aorista v samodijskih jazykah [Aorist formation in Samoyedic languages.] *Acta linguistica Petropolitana*. Vol. 9, #2, 2013.]
- Bennett, Partee 1978 — Bennett M., Partee B. *Towards the Logic of Tense and Aspect in English*. Bloomington, Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1978.
- Clark, Clark 1979 — Clark E., Clark H. When nouns surface as verbs // *Language*. 1979. №55. Pp. 767-811.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dowty 1977 — Dowty D.R. *Towards a semantic analysis of verb aspect and the English 'imperfective' progressive* // *Linguistics and philosophy*. 1977. Vol. 1. Pp. 45-77.
- Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word meaning and Montague grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Dowty 1979 — Dowty D.R.. *Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Hale, Keyser 2002 — Hale K., Keyser S.J. *Prolegomena to a Theory of Argument Structure*. Cambridge: The MIT Press, 2002.
- Harley 2013 — Harley Ню External arguments and the Mirror Principle: On the independence of Voice and v // *Lingua*. Vol. 28, 2013. Pp. 34-57.
- Kavitskaya, Staroverov 2010 — Kavitskaya D., Staroverov P. When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding // *Phonology*. Vol. 27, 2010. Pp. 1–34.
- Kratzer 2000 — Kratzer A. Building stative // *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society / Conathan L., Good J., Kavitskaya D., Wulf A., Yu A. (eds.)*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 2000. Pp. 385–399.
- Krifka et al. 1995 — Krifka M., Pelletier F.J., Carlson G.N., ter Meulen A., Link G., Chierchia G. *Genericity: An Introduction* // *The generic book / Carlson G., Pelletier F.J. (eds.)* Chicago, London: University of Chicago Press, 1995. Pp. 1-124.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — Lyutikova E., Tatevosov S. *Causativization and event structure* // *Causation in Grammatical Structures / Copley B., Martin F. (eds.)*. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 279-327.
- Marantz 1997 — Marantz, A. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of your Own Lexicon // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Vol. 4, №2, 1997. Pp. 201-225.
- McIntyre — McIntyre A. Denominal verbs: An overview // *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe / P. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. Pp. 434-450.

- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Trundra Nenets*. Berlin: Mouton, 2014.
- Paslawska, von Stechow 2003 — Paslawska A. von Stechow A. Perfect Readings in Russian. // *Perfect Explorations* / Rathert M., Alexiadou A., von Stechow A. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. Pp. 307-362.
- Piñón 2001 — Piñón Ch. Modelling the causative-inchoative alternation // *Linguistische Arbeitsberichte*. Vol. 76, 2011. Pp. 273-293.
- Rappaport Hovav, Levin 1998 — Rappaport Hovav, Malka and Beth Levin.. Building verb meanings. In Butt M., Geuder W. (eds.) *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998.
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Starke 2010 — Starke M. Nanosyntax: A short primer to a new approach to language // *Nordlyd*. Vol. 36. №1. Special issue on Nanosyntax, 2010. Pp. 1–6.
- Taylor 1977 — Taylor B. Tense and Continuity // *Linguistics and philosophy*. 1977. Vol. 1. №2, 1977. Pp. 199-220.
- Vlach 1993 — Vlach F. Temporal Adverbials, Tenses and the Perfect // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 16, 1993. Pp. 231-283.